

БИОГРАФИКА И ИСТОРИОГРАФИЯ НАУКИ / THE BIOGRAPHIES AND HISTORIOGRAPHY OF SCIENCE

УДК 929

ALEXEI VALER'EVICH MALINOV

*Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture,
Saint Petersburg State University,
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9.
E-mail: a.v.malinov@gmail.com*

Student years of V.I. Lamansky

The article examines the period of study (1850–1854) at the St. Petersburg University of Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) – the largest Russian Slavist of the 19th century. Fragments from letters and diaries of Lamansky, deposited in the St. Petersburg branch of the RAS archive, in which he describes the features of teaching at the St. Petersburg University, gives characteristics to teachers. Descriptions of classes are given by Izmail Ivanovich Sreznevsky (1812–1880), who was a teacher of Lamansky. Archival materials allow us to trace the process of formation of Lamansky's scientific views and the influence on his worldview of the teachings of the Slavophiles. Epistolary legacy of Lamansky also tells about the friends of the scholar of the student era: A.N. Pypin and D.L. Mordovtsev. In letters and diaries, Lamansky shares his plans for the future, after graduating from the university.

Keywords: *V.I. Lamansky, St. Petersburg University, Slavic Studies, Slavophile, I.I. Sreznevsky, education.*

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ

*доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры
Санкт-Петербургского государственного университета,
профессор кафедры международных отношений
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого,
ассоциированный научный сотрудник СИ РАН
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9.
Тел.: 8 (812) 328-94-40, a.v.malinov@gmail.com*

В статье рассматривается период обучения (1850–1854) в Санкт-Петербургском университете Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) – крупнейшего российского слависта XIX в. Приводятся фрагменты из писем и дневников Ламанского, отложившихся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, в которых он описывает особенности преподавания в Санкт-Петербургском университете, дает характеристики преподавателям. Приводятся описания занятий у Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880), который был учителем Ламанского. Архивные материалы позволяют проследить процесс формирования научных взглядов Ламанского и влияния на его мировоззрение учения славянофилов. Эпистолярное наследие Ламанского дает представление и о друзьях ученого студенческой поры: А.Н. Пыпине и Д.Л. Мордовцеве. В письмах и дневниках Ламанский делится своими планами на будущее, после окончания университета.

Ключевые слова: *В.И. Ламанский, Санкт-Петербургский университет, славистика, славянофильство, И.И. Срезневский, образование*

Студенческие годы В.И. Ламанского*

Много предстоит мне учиться, чтобы стать
хоть мало-мальски порядочным ученым.
Из дневника В.И. Ламанского 14 июля 1853 г.

Жизнь и деятельность Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) тесно связана с Санкт-Петербургским университетом. Более тридцати лет, с 1865 г. и до 1899 г. он преподавал в университете, прерывая работу лишь научными

командировками для занятий в зарубежных архивах. Однако ни избрание в Академию наук в 1900 г., ни физические недуги в последние годы жизни не привели к окончательному разрыву его с университетом. Многолетняя работа Ламанского в университете

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 16-03-00450).

способствовала формированию научной школы славистики – ведущей в дореволюционной России [1, с. 378–431]. По своему мировоззрению и философским убеждениям он принадлежал к славянофильскому направлению. Его можно считать лидером славянофильской партии в Санкт-Петербургском университете и одним из наиболее видных славянофилов последней трети XIX в. не только в столице, но и в России. В то же время научный авторитет Ламанского, его специальные занятия славянской историей и литературой не редко служили подтверждением и уточнением многих положений славянофильского учения. При этом Ламанский, опираясь на свои знания и непосредственное знакомство со славянскими землями, мог выступать и с критикой отдельных положений современного ему славянофильства. Так, например, его статьи конца 1880-х гг. в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», которые он редактировал, опровергали панславистские иллюзии. Впрочем, надо признать, что влияние Ламанского в Санкт-Петербургском университете определялось не его славянофильскими пристрастиями, а его славистическими исследованиями. Даже среди учеников славянофильские идеи Ламанского редко находили сочувственные отклики и мало кто из них разделял его взгляды на славянство и его славянофильские убеждения. Справедливости ради необходимо заметить, что «закат» научной школы В.И. Ламанского был следствием того разгрома, которому подверглась отечественная славистика в 1930-е гг. [2].

С Санкт-Петербургским университетом связаны как студенческие годы Ламанского, так и все этапы его профессиональной карьеры: защита диссертаций, преподавание, профессорство, деканство. В разные годы Ламанский читал многочисленные курсы по истории и литературе славянских народов. Однако все это составляет «внешнюю» сторону его университетской жизни. В то же время в фонде Ламанского в архиве Академии наук сохранились материалы личного характера (дневники, письма, воспоминания), отражающие, так сказать, «внутреннюю» сторону этой жизни, т. е. субъективное описание и оценки Ламанским событий и людей, с которыми судьба свела его в университете. Не предназначенные для печати, эти материалы позволяют раскрыть как его впечатления от университета, начиная со студенческих лет и вплоть до того времени, когда Ламанский был деканом историко-филологического факультета (середина 1880-х гг.) и заслуженным профессором в конце жизни, так и отношение к ученикам и коллегам, власти и министерскому начальству, рефлексию над собственным путем в науке и т. п. Лишь незначительная часть обширной переписки Ламанского была опубликована после его смерти [3–11].

В Санкт-Петербургский университет Ламанский поступил в 1850 г. Студенческими впечатлениями от преподавания и учителей он делился в письмах к своему гимназическому другу Михаилу Устиновичу, учившемуся в то время в Харьковском универси-

тете. Первое из сохранившихся писем датировано 9 октября 1850 г. В нем Ламанский уже вполне четко высказывает свои научные интересы и упоминает тех преподавателей, чьи занятия предпочитает. Это, прежде всего, Измаил Иванович Срезневский. Можно сказать, что знакомство с И.И. Срезневским предопределило судьбу Ламанского в науке. С этого времени он уже практически не изменял своим учебным пристрастиям.

«Что же касается до меня, то жизнь мою любитель сильных ощущений назвал бы прозябанием, она всё по прежнему, нового только то, что по четвергам я хожу к Бишопу на практические уроки англ[ийского] яз[ыка], вместе с братьями. Яша¹ тоже ходит к нему, но на уроки теоретические. Мы начали читать из прозаик[ов] Диккенса – Nicholas Nickleby, из поэт[ов] Шекспира King Lear. И образ жизни мой таков – утром в Университете, вечером дома, за письменным столом занимаюсь, прерывая иногда занятия разговором с маменькой, с Порфирием² – вот и всё. Лекции я посещаю исправно, кроме след[ующих:] Перро, Никитенко и Райковского, но к этому чаще, вообще хожу к нему запоем – две недели хожу сряду, две недели не хожу и vice versa. У профессора элоквиенции и свободных искусств и Доктора Философии и пр. я был пока один раз, именно первую лекцию. К Перро вместо четырех раз в неделю я хожу один, на лекцию литературы; кажется и на эту последнюю скоро перестану ходить; право, желающего заняться подальше не удовлетворяют рассказы о близости литературы к обществу, о ее важности, цели, значении и назначении; не удовлетворяют и красноречивые возгласы о реформации и папской власти, сделавшиеся общими местами, а этим пока подбивает нас Перро на своих лекциях литературы. В других же лекциях он занимается филологией, но согласись сам, что предмет этот, очень не интересный для большей части, не может читаться серьезно для студентов всех факультетов, и потому Перро, человек и не глупый и со сведениями, но одержимый пороком общим французам – популярности или лучше желанием быть популярным, чтобы не наскучить слушателям, поднимается на разные фразы, *tours de force*, которым не место в науке. К Райковскому же я хожу не исправно, только на богословие, на лекции же логики, которые, правда, были всего еще два раза, я хожу исправно. На первый дебют его собралось студентов из всех курсов и факультетов слишком сто; конечно он сконфузился, смешался; голос его дрожал, когда он говорил о назначении своем, о цели именно такого назначения, но... не горюй младое и пр. Теперь он диктует пока интересное – именно историю нашей науки, как он говорит. На этой только что неделе начал читать Михаил Куторга историю Греции с начала до Алекс[андра] В[еликого]. Мы начнем и закончим, говорил он в первой лекции, наш курс двумя великими юношами – Ахиллом и Александром Македонским. Да, я смело могу сказать, что такого профессора истории, да вряд ли и другой какой науки, не найдется у вас в Харькове. Кроме дара слова, он владеет, как и тебе

известно, огромными сведениями и известностью во Франции, Греции. Я был у него на лекциях два раза – в них он рассматривал историю истории, начиная с Геродота, кратко характеризовал древних историков, как греч[есих], так и римских (об них он обещался говорить подробно, когда будет разбирать историческое искусство), потом перешел к средним векам, подробно говорил об их духе, литературе, так называемой готической архитектуре, и тут разобрал некоторых шальных исторических писателей. Затем, именно в последнюю лекцию подробно разобрал «Новая наука» Вико и «Философические идеи Гердера об истории человечества» и «Рассуждение Боссюэта о всемирной истории[»]; и лекцию заключил своими мнениями о философствованиях (18 в.) в истории и других науках, именно естественных, разумеется не на манер Булгарина. Следующий раз, во вторник он будет говорить о Египетской экспедиции Наполеона, как сильно продвинувшей вперед исторические исследования 19 века и вообще о современных исторических [неразб.]. Эта лекция, как ты видишь, будет чрезвычайно интересна. Жаль только, что у Куторги слаба грудь и еще есть недостаток: делать подобные отступления: извините мил[остивые] госуд[ари] за это выражение; я прошу у вас мил[остивые] госуд[ари] впредь извинить меня, если я ошибусь когда в год, хотя мы все уверены, что год, который был упомянут в 3 лекции один раз, он знает очень хорошо. Но согласись, что такие мелочные недостатки почти не замечаются при его прекрасных взглядах, даром слова и ученостью. Что же касается до греч[еского] и лат[инского] яз[ыков], то я не совсем то доволен нашим профессором Штейпманом. Греческий яз[ык], т. е. Гомера он читает порядочно, но Цицерона через чур плохо. Каждый раз вспоминаю я Лапшина с уважением и досадую на то, что иногда плохо судил о нем. Но самый любимый мой профессор – это Срезневский. К нему я хожу и на второй курс, где он читает или лучше мы (потому что он так любезен, что и меня спрашивает, т. е. просит переводить) читаем Краледворскую рукопись или собрание древних чешских стихотвор[ений], памятников IX–XIV вв., найденную Ганкою в гор. Кеннехофе в старой башне между разным хламом. Язык их очень легкий и в то время вообще все слав[янские] наречия мало различались между собою. В первом же курсе он читает 1 раз в нед[елю] Ис[торию] слав[янских] яз[ыков], где мы разбирали одно место Остромирова Евангелия; а другой раз – обзор славянских наречий. Этот курс состоит в следующем: О славянских племенах и народах (в отношениях историческом, религиозном и политическом). Основные черты слав[янских] наречий. Филологический обзор вообще всех слав[янских] языков и характеристика каждого языка порознь. Представивши обзор славянск[их] народов, он приступил к языкам историческим и критическим обзорам замечательных ученых в филологии общей и преимущественно славянской. Из русских он преимущественно расхваливал Павского и Буслаева» [12, л. 2, 2 об., 3, 3 об.].

О М.С. Куторге в следующих письмах Ламанский упоминает редко. В марте 1851 г. он указывал, что М.С. Куторга три дня в неделю читает лекции по греческой истории, а в ноябре того же года признавался, что М.С. Куторга «строг на экзаменах, скоро говорит» [12, л. 6 об.]. Из историков, преподававших в университете, в письмах Ламанского фигурируют Н.Г. Устрялова и М.И. Сухомлинов, читавший лекции по русской литературе. Ламанский аттестовал последнего из них несколько иронически: «...кажется очень сладкий и любезный молодой человек, вроде Никитенки» [12, л. 37]. Упоминания об Н.Г. Устрялове в письмах встречаются лишь несколько раз и, судя по всему, Ламанский не стал поклонником этого профессора.

Значительно больше внимания в письмах Ламанский уделял И.И. Срезневскому. На первом курсе он слушал лекции И.И. Срезневского по церковно-славянскому языку, курс «Обзор славянских наречий» и ходил на занятия к второкурсникам, у которых И.И. Срезневский вел предмет «Чтение образцов славянских наречий». Здесь изучали «Краледворскую рукопись» и чешских поэтов Я. Коллара и Ф. Челяковского. На втором курсе Ламанский занимался у Срезневского преимущественно чешским языком и литературой, в частности, по настоянию учителя, «Краледворской рукописью». Это был сознательный выбор, поскольку как признавался Ламанский: «Этот язык важен и в том отношении, что первые славянисты, и главные двигатели славянищины – суть чехи; теперь первое место в славянской филологии, после нашего русского ученого Востокова, занимает Иосиф Шафарик, а в отношении славянской археологии и древностей, он первый в Европе» [12, л. 17 об.–18]. В письме к другу Ламанский давал следующую характеристику преподавания И.И. Срезневским чешского языка: «Надо тебе заметить, что он читает прекрасно, к объяснению слов чешских и преимущественно древних чешских обыкновенно обращается к языку простого народа, который и которого он изучал и любит, как мне кажется, по крайней мере» [12, л. 9]. 26 ноября 1851 г. в письме к тому же адресату он восклицал: «Срезневский 2 раза в неделю, ужасно мало времени! По понедельн[икам] читает Слав[янские] древн[ости], по этой части я читаю Шафарика – Slov[anské]. Starož[itnosti] Чудная вещь!, а по средам читает памятники древнего польск[ого] яз[ыка]» [12, л. 6 об.]. В этом же письме он упоминает, что через И.И. Срезневского получает для работы книги из библиотеки Академии наук. В следующем году Ламанский также слушал курс «Славянские древности», что видно из письма 8 декабря 1852 г. «Срезневский читает два раза в неделю Слав[янские] древности, – писал он М. Устиновичу; – курс их состоит из двух частей: 1) Географико-историческое описание славян до 12 стол. 2) Этнографическое опис[ание]» [12, л. 50 об.]. Из историков Ламанский в эти годы внимательно изучал труды Ф. Палацкого и С.М. Соловьева. На лекции же других преподавателей ходил редко и был многими не доволен.

Уже в конце первого курса молодой студент столкнулся с «теневой» стороной академической жизни. В письме он не приводит конкретных фактов, но становится понятно, что речь идет о любимом учителе. «Я прежде думал, – писал Ламанский 25 марта 1851 г., – что ученые живут между собою дружно и что вообще у них больше единодушия. Нет, живут дружно одни немцы-ученые и вывозят друг друга на всякий манер, во вред русским. ...Когда я говорил об интригах между учеными, то имел в виду одного профессора, очень уважаемого мною, именно Срезн[евского], который, кажется, более лицо страдательное; впрочем, этого я хорошо не знаю. Студенты, да и многие другие называют его страшно ученым, но бездарным, оттого что он много занимается. Прямо лакейское суждение: много что-то занимается, верно, плохо понимает, в толк не берет» [12, л. 18]. 30 июня 1851 г. в очередном письме он вновь дает восторженную характеристику И.И. Срезневскому, замечая, что он «необыкновенно остроумный» [12, л. 46 об.].

Впрочем, когда первое очарование И.И. Срезневским прошло, а усиленные занятия славистикой привели к тому, что Ламанский все больше стал проявлять самостоятельность в суждениях, у него появился свой взгляд на предмет и собственное понимание науки, то он начал и более критически относиться к учителю. В дневнике, датированным 8 февраля 1854 г., т. е. на последнем курсе университета, записи, относящиеся к И.И. Срезневскому, уже вовсе лишены ученического пиетета. О И.И. Срезневском он пишет в таких выражениях, как «головы едва ли не бездарной» и «переливать из пустого в порожнее (как постоянно делает Срезневский, когда рассуждает)» [13, л. 69 об.]. Приведу еще одну черту И.И. Срезневского уже из письма ученика Ламанского А.С. Будилович, отправленного из Санкт-Петербурга 19 сентября 1868 г. в Венецию, где в то время Ламанский работал в архивах. Антон Семенович Будилович был одним из первых учеников Ламанского и впоследствии стал крупным ученым-славистом, ректором Варшавского и Дерптского университетов. А.С. Будиловича можно назвать не только учеником, но и единомышленником Ламанского, разделявшим его славянофильские убеждения. В письме А.С. Будилович сетовал на трудность общения с И.И. Срезневским, требовавшего, чтобы студент оставил частные уроки. «Он уверен, – писал А.С. Будилович, – что студенты могут жить на 12–16 р., а своим детям 25 р. стипендии назначает. Да и говорить с ним трудно – всему перечит – и ни для чего» [14, л. 12].

Однако до конца жизни Ламанский считал И.И. Срезневского своим учителем, хотя и признавал за ним ряд заблуждений и ошибок, которые необходимо преодолевать. Ламанский, в частности, был одним из главных критиков подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей [15; 16], посвятив доказательствам их подложности неоконченную статью «Новейшие памятники древнечешского языка» [17–22], в которой критиковал и взгляды И.И. Срезневского. Своему учителю Ламанский посвятил цикл статей «Непорешенный вопрос»

[23–25], написанных в 1868 г. в Венеции, в которых обосновывал возможность русского языка стать общеславянским научным, литературным и дипломатическим языком. И.И. Срезневский высоко оценил статьи Ламанского и предложил представить их в Совет историко-филологического факультета в качестве докторской диссертации. В 1878 г. в «Протоколах заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета» была опубликована его «Записка об ученых трудах И.И. Срезневского» [26]. На смерть И.И. Срезневского он откликнулся некрологом [27], а позднее опубликовал и небольшое исследование о нем [28]. В издававшемся Ламанским этнографическом журнале «Живая старина» были опубликованы материалы и письма И.И. Срезневского [29–38]. И.И. Срезневский не примкнул к славянофильскому движению, но, вероятно, сочувственно относился к философским увлечениям Ламанского. По крайней мере, Ламанский воспринимал ураинофильство 1840-х гг., которому симпатизировал И.И. Срезневский, как одну из разновидностей славянофильства.

Помимо И.И. Срезневского большое значение для научного самоопределения Ламанского имели труды А.Х. Востокова. 26 ноября 1851 г. в письме к гимназическому другу Ламанский отмечал «громадное значение гениального (без всякого преувеличения) ученого Востокова. Он открывает законы в языке, которые основывают науку слав[янскую] филологию, никем не отвергаемые, потому что ясны, как день, и делает это так скромно...» [12, л. 5]. Здесь же Ламанский делится своими проектами: «В числе моих планов, предположений, фантазий, – продолжал Ламанский, – каких не мало набралось в моей голове есть одно – написать, разумеется лет через пять, обзор деятельности Алекс[андра] Христофоровича Востокова» [12, л. 5]. Не без восторга он излагает некоторые биографические факты из жизни Востокова и констатирует: «О Востокове можно говорить утвердительно» [12, л. 6]. Однако планы свои относительно А.Х. Востокова Ламанский не осуществил.

В конце ноября 1850 г. Ламанский познакомился с филологом академиком А.А. Шифнером. В начале 1851 г. он читает и хвалит Ф.И. Буслаева и В. фон Гумбольдта, дает оценки сочинениям С.М. Соловьёва, К.Д. Кавелина, А.А. Куника, А.П. Зернина и своего учителя И.И. Срезневского. Особенно его привлекает В. фон Гумбольдт. По словам молодого Ламанского, «Гумб[ольдт] первый стал смотреть на язык, не как [на] собрание слов, а как на организм» [12, л. 10 об.]. Он даже упоминает о том, что перевел В. фон Гумбольдта, не называя, впрочем, переведенной работы. Из писем видно, насколько филология увлекла Ламанского, «я в одно время читаю две три книги и делаю 2, 3 дела», – признался он [12, л. 32].

Появившийся на втором курсе новый предмет – педагогика, – который преподавал А.А. Фишер, Ламанского не увлек. Помимо занятий у любимого И.И. Срезневского он посещает лекции по логике А.И. Райковского и по истории английской литературы М.С. Куторга из-за болезни занятий в тот год не

вел. Изучение «Краледворской рукописи» Ламанский намерен дополнить исследованием «Остромирова евангелия» и продолжить занятия греческим и латинским языками «более в отношении филологическом, чем литературном» [12, л. 13 об.]. Он много читает и приводит в письмах обширные цитаты из прочитанных книг, рассказывает о новых изданиях Академии наук и приобретенных книгах по истории и филологии. Кроме занятий и книг, кажется, в жизни Ламанского нет других событий. «Живу я очень уединенно, немного занимаюсь; выдаюсь с товарищами, хотя и редко; но об этом сожалеть нечего», – сообщает он 29 ноября 1852 г. [12, л. 10 об.]

Два месяца спустя в очередном письме Ламанский следующим образом аттестовал свой внутренний мир: «Более воображаемое, чем действительное существование характера, убеждений, любви к науке и вообще театральное настроение – вот главная сторона моего характера» [12, л. 14]. В конце 1852 г. в одном из писем он рассуждает о невозможности вести светский образ жизни: «...я кроме того не говорю по-французски (не смеюсь, это не иронически), не танцую, не богат. Это тоже не последняя вещь для успехов в свете. С другой стороны, придется тогда бросить некоторые мечты, планы, убеждения, свои книги...» [12, л. 49]. В этом же письме Ламанский, несмотря на казалось бы довольно замкнутый образ жизни, признает происходящие перемены своего характера. «Живу всё по старому, – писал он, – сижу больше дома; не могу судить сам, но Саша³ (представлен нынче в офицеры) нашел во мне много перемены относительно характера: он, да и все мои находят, что я развернулся, говоря их словами. Я замечаю сам, что стал веселее несколько и немного шире сужу о людях. Даже недавно имел случай объяснить Михайлову, что глупо и самонадеянно считать себя выше прочих окружающих людей» [12, л. 51].

Постепенно круг интересов Ламанского расширяется, появляются собственные предпочтения и исследовательские планы. Он продолжает заниматься древнеславянским языком. Однако на втором курсе погружается в изучение Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, исследование которых приводит его к мысли написать грамматику древнего русского языка до XIV в. В конце 1852 г. он пишет своему корреспонденту: «Задумал я составить нечто вроде грамматики древнего русского [языка] XIV в., пользуясь как материалами преимущественно одними русскими грамотами и договорами, иногда дополняя кое-что летописями, писанными по большей части на славяно-русском языке. Об этом я хочу поговорить с Срезневск[им]. Конечно, эта работа мелкая, скучная, но не бесполезная как для меня лично, так и вообще для занимающихся историей русского языка. Для исследователей будет служить материалом, и не бесполезна для меня, что приобрету опытность в подобных занятиях и возможность близко познакомиться с памятниками, важными в разных отношениях» [12, л. 50 об.–51].

Занятия историей и филологией приводят его к мысли о значении науки о языке для изучения

русской истории. «Если литература не возможна без истории; то и история не возможна без литературы», – замечает он в письме [12, л. 24]. В частности, Ламанский начинает задумывать о ценности народных песен как источника по русской истории. 2 сент. 1852 г. в письме М. Устиновичу вместе с рассказом о похоронах В.А. Жуковского, он сообщает об издании А.Н. Афанасьевым русских сказок. «Кто понимает историю в более широком объеме, чем политическая, – добавляет Ламанский, – кто сознает, что в высшей степени важна для всеобщей истории история масс, простонародья, а не одного высшего общества, как теперь, не одних государей, как бывало раньше – тот поймет, что Сказки Русс[кие] не забава, а действительная, настоятельная потребность» [12, л. 34].

Вероятно, в конце первого курса Ламанский увлекся сочинениями московских славянофилов. По крайней мере, впервые упоминает о них в письме. Он расхваливает М.П. Погодина и пишет о статьях И.В. Киреевского, братьев Аксаковых и А.С. Хомякова в «Московском сборнике». Особенно отмечает он Аксаковых. Так, о К.С. Аксакове он пишет: «...его я уважаю с тех пор, как познакомился с его диссертацией на магистра» [12, л. 29], а у И.С. Аксакова высоко оценивает поэму «Бродяга». «Это одно из замечательнейших произведений русской поэзии в последние 10 или 15 лет», – полагает Ламанский [12, л. 29 об.]. Впрочем, в том же письме он признается, что помышляет о переводе «Истории Греции» Дж. Грота на русский язык, по всей видимости, находясь под обаянием лекций М.С. Куторги.

В письмах Ламанского все чаще начинают встречаться рассуждения о необходимости выработки «независимого угла зрения, как в жизни, так и в науке, для теории и для практики» [12, л. 16] и т. п. Он понимает, что самостоятельность образа мыслей достижима только самостоятельным же трудом и делится своими соображениями с другом. «Позволь прибегнуть к пошлому сравнению, – писал он М. Устиновичу 1 января 1851 г., – чтобы показать преимущество изучения частного перед общими взглядами. Наука – громадное здание, для изучения которого необходимо общее понятие о его целом и близкое знакомство с его частями. Позволь поправиться, наука не есть еще здание, но постройка здания, которое воздвигается по частям. Они же обуславливают его прочность, красоту. В каждой науке, говорил мне когда то наш чудный Талызин, есть множество подробностей мелочных по видимому, но необходимых. И знаешь, что это справедливо. Общее понятие иметь нужно всегда, только про себя, а изучать только по частям, кусочкам» [12, л. 12 об.]. И тут же Ламанский иронично называет свои соображения – «моя страстишка умничать». Он все больше проявляет самостоятельность в суждениях, строже относится к преподавателям, становится категоричен в выводах и оценках, и перестает посещать занятия, в которых не видит того научного напряжения, к которому стремится сам. По-юношески радикально звучит его высказывание

из письма 18 марта 1851 г.: «Идею надо проводить до конца, если она верна то приведет к истине; если нет, то скорее обнаружится ложь» [12, л. 47 об.]. Со временем такой максимализм приведет Ламанского к конфликту с рядом преподавателей, чьи занятия он игнорировал и, возможно, к некоторому охлаждению с И.И. Срезневским.

Уже в конце ноября 1850 г. он упоминает о сближении со студентом А.Н. Пыпиным, перешедшим из Казанского университета. «Он занимается также слав[янскими] яз[ыками]», – добавляет Ламанский [12, л. 13]. Дружеские отношения с А.Н. Пыпиным, несмотря на научные и даже мировоззренческие разногласия, Ламанский сохранил до конца жизни. На первом курсе он сошелся также с Д.Л. Мордовцевым. «Прошлый месяц, – писал Ламанский 26 ноября 1851 г., – ходил не в Унив[ерситет], а в Румянц[евский] Музеум, который подле моей квартиры. Достаяю через Срезневск[ого], как академика, книги из Академич[еской] Библиотеки. Насчет образа жизни делаю успехи, по отзыву других. Хожу чаще к людям (не думай, что бросил занятия) и сам не дичусь. ... Из новых товарищей один студент из Казан[ского] унив[ерситета] Мордовцев, донской казак, славный и не глупый малый; занимается слав[янскими] яз[ыками], но хорошо знает и лат[инский] яз[ык], даже пишет на нем стихи в шутку и переводит русск[ие] песни...» [12, л. 7] С А.Н. Пыпиным и Д.Л. Мордовцевы в те годы Ламанского связывали не только дружеские отношения, но и научные интересы. А.Н. Пыпин даже называл это сообщество «кружком» по изучению славянской литературы. По его словам, «в нашем небольшом кружке, делившем более или менее эти славянские интересы. Этот кружок был – В.И. Ламанский, Д.Л. Мордовцев. <...> Были, конечно, хорошо знакомы различные славянские отражения в нашем славянофильстве. Ламанский был его горячим приверженцем; но я всегда бывал к нему довольно равнодушен <...> В то же время Мордовцев был у нас проводником малорусской литературы и того, что, пожалуй, можно было бы назвать начатками украинофильства. Мы в то время (я по крайней мере) ничего против него не имели и даже относились к нему с симпатией <...> у нас была воспринята <...> точка зрения славянского возрождения» [39, с. 112–114]. К экзамену у Н.Г. Устрялова Ламанский готовился вместе со своими новыми друзьями на квартире перешедшего из Казанского университета третьекурсника Н.П. Трушковского, племянника Н.В. Гоголя. «У него на квартире я видалю того знаменитого Семена, который сжег сочинение Гоголя», – приписывает Ламанский [12, л. 20].

С новыми друзьями Ламанский чаще посещает театр, делится в письмах впечатлениями о пьесах, актерах и т. п. Упоминает о смерти В.А. Каратыгина и драмах А.Н. Островского. «Бываю в театре, опера у нас чудесная», – пишет он в ноябре 1851 г. [12, л. 7 об.]. Большая часть писем гимназическому товарищу посвящена университету, но Ламанский находит место и рассказам о «девках», «бражничанье» и медицинских последствиях такого образа жизни и проч.,

которые заставляют усомниться в затворническом и отчасти нелюдимом образе жизни, отмечаемым Ламанский в некоторых письмах. В одном из писем 1854 г. он кратко касается и трагического события в своей жизни: «...вообще этот год мне всё неудача, да горе – привязался было к одной девушке и меня полюбили, и тут умерла» [12, л. 52 об.].

Экзамены 1853 г. прошли для Ламанского вполне благополучно, что дало ему надежду на успешное завершение обучения в университете. После экзамена по психологии у А.И. Райковского 23 мая 1853 г. он зашел к А.Н. Пыпину и «там в обществе его невестки (Ольги Сократовны [Чернышевской]) провел время необыкновенно весело» [13, л. 34 об.]. Месяц спустя перед экзаменом у Н.Г. Устрялова он записал в дневнике: «Ну, бог даст, приготовлюсь и он с полным удовольствием поставит мне пять и тогда я буду совершенно счастлив: я кандидат. А там и о службе думать, прощай ученая карьера, но не наука и не ученое поприще. С вами я так легко не прощусь. Побольше мне сил и терпенья, и охоты и таланта. Спешу работать в тиши и Бог милостив так и совершу что-нибудь порядочное» [13, л. 3 об.]. Ламанский, вероятно, имел возможность еще в 1853 г. участвовать в конкурсе на медаль. «Нынешний год по филол[огическому] фак[ультету] задача по каф[едре] русск[ой] слов[естности] о комед[иях] Сумарокова, Фон Визина и Шаховского со стороны содержания и языка. Писать я не буду, подожду будущего года по слав[янской] фил[ологии], по крайней мере не даром пропадет время», – писал он в дневнике [13, л. 36 об.]. Возможно, Ламанский не хотел конкурировать со своими друзьями А.Н. Пыпиным и О.Ф. Миллером, которые и получили золотые медали. Эту не частую для университета ситуацию А.Н. Пыпин описывал в своих мемуарах: «Одновременно со мной, как было слышно между товарищами, взялся за эту тему Орест Миллер, хотя был моложе по курсу, – ему особенно протезировал Никитенко. Когда к положенному сроку должны были быть представлены диссертации, их оказалось две. Никитенко присудил мне золотую медаль, но находил также большие достоинства в сочинении Ореста Миллера, и ему была дана вторая золотая медаль» [39, с. 112]. Ламанский же решил писать конкурсное исследование в следующем году, дождавшись, как он полагал, более интересной для него темы.

Сдача выпускных экзаменов в 1854 г. прошла для Ламанского не так удачно, как он рассчитывал. 20 мая 1854 г. он писал М. Устиновичу: «Готовился я как-то туго, не скажу, врагов себе нажил, но по крайней мере особого расположения в профессорах, кроме двух или одного, я себе не приобрел. По сплетням ли чьим или как-нибудь иначе, узнали мои профессора, что я не только сам к ним на лекции не хожу, но и других студентов отговариваю ходить, что я де смеюсь кой над кем, и так как он малый с головой (не мои слова), то может смешки то его и очень удачны... и т. д.» [12, л. 52]. По истории он получил «хорошо». Перед экзаменом не спал всю ночь, голова была тяжелая и лень было отвечать, но «могли бы и

пять поставить, другие держали неважно», – сетовал он [12, л. 52]. На экзамене по греческому языку, «где отвечал очень хорошо и лучше других товарищей – я один получаю 4, все остальные 5» [12, л. 52]. Возникли проблемы и с экзаменом по педагогике у А.А. Фишера. Обида и чувство несправедливости привели Ламанского к мысли поговорить с отцом, чтобы ехать в Москву на год и там сдавать экзамены за четыре года на кандидата. В это время его поддержал И.И. Срезневский, посоветовавший сдавать следующие экзамены. И уже по римской словесности Ламанский получил «отлично».

Однако надежды на золотую медаль за кандидатское сочинение тоже не оправдались. «Писал я диссертацию о Русск[ой] Правде на золот[ую] медаль и не получил, а дали серебряную, которой я не взял. Она и теперь в Совете или где хранится. Скучно рассказывать, а дело, правду сказать, не совсем справедливое» [12, л. 53]. Вместе с Ламанским в конкурсе участвовал и Д.Л. Мордовцев. А.Н. Пыпин в мемуарах несколько иронично описывал процесс работы своих друзей над выпускным сочинением. «В следующем академическом году (1853–1854), когда я уже кончил курс, – вспоминал он, – темою на медаль по кафедре Срезневского было исследование о Русской правде: конкурентами были оба мои приятеля Ламанский и Мордовцев и еще третий их товарищ. Оба работали усердно и у меня еще цел рисунок, где Мордовцев (рисовальщик-любитель, не весьма искусный в технике, но не без комической жилки) изображал довольно забавно, как каждый из трех аспирантов трудился над многоученым вопросом: между прочим, у Ламанского было такое обилие заметок (на карточках), что из них составлялись целые столбы и, чтобы достать какую-нибудь пачку (они были с надписями и на одной, особенно большой, была помета: «дикая вира»), ученый исследователь должен был приставлять лестницу; в распоряжении ученого был дворник, который носил пачки на спине, как дрова. Другой ученый – вероятно по его собственному желанию, чтобы не развлекаться – был заперт на замок в какой-то будке с маленьким окошечком...» [39, с. 116]. В чем была причина решения Совета историко-филологического факультета не присуждать Ламанскому золотую медаль и почему И.И. Срезневский не смог или не пожелал отстоять своего ученика – достоверно не известно. Критические высказывания Ламанского в дневнике о И.И. Срезневском относятся как раз к этому времени. Неудачи с экзаменами и кандидатским сочинением привели Ламанского к мысли оставить университет после его окончания.

Ламанский упоминает, что не стал забирать серебряную медаль. Конечно, в этом жесте видна обида на несправедливое, как он полагал, решение Совета. Однако дальнейшая жизнь Ламанского показывает, что и впоследствии он был равнодушен к наградам, считая высшей оценкой своего труда мнение коллег и учеников, а не официальное признание. В 1869 г. Ламанский по протекции И.И. Срезневского был награжден орденом, о чем узнал, находясь в научной

командировке в Венеции. 23 февраля 1869 г. он писал родителям: «Вероятно, Срезн[евский] думал мне сделать этим приятное. В этом отношении я очень жалею, что не был на акте. Я бы сумел отговорить или даже упросить не делать мне такой пакости. Хорошо получать ордена людям, которые идут по гражданской или военной карьере. Что нам профессорам, писателям, что священникам никаких орденов ни брать ни давать не пригоже. Прошу братьев, Костю⁴ бывающего в университете, не расписываться за меня на бумаге в получении, и также просить не посылать ко мне этой бумаги. Пусть оставят у себя до моего возвращения, а я учтивым, вежливым образом, *con la forma de parole*, объясню, что этой чести не достоин, не искал, не желал и взять не могу» [40, л. 82 об.]. Кроме преподавания в Санкт-Петербургском университете и Духовной академии, а с 1900 г. в Академии генерального штаба и литературного заработка, Ламанский не имел других доходов. Он признавался, что в конце почти каждого месяца вынужден был сдавать свои ордена в ломбард, чтобы дотянуть до следующей зарплаты.

Окончание университета ставило Ламанского перед выбором дальнейшего жизненного пути. Еще в студенческих письмах встречаются его рассуждения о своем будущем. Прежде всего, он мечтает отправиться в путешествие, о чем пишет еще в конце первого курса. «Будь у меня тысячейки четыре ассигн[аций] в год, – рассчитывал Ламанский, – я бы не задумывался искать места по выходе из Университета, а год или два пожил бы в разных концах России, а потом махнул бы года на три к славянам. Эти бы походы были полезны и для меня и быть может для других <...> Для меня полезны в отнош[ении] физическом. Здоровье окрепнет – постоянно под чистом воздухе, где-нибудь этак в Босне, Черной Горе или Крайне, там и в Италию – руку подать. Узнаешь народ живой, не париев каких-нибудь, вроде манчестерских работников. В наш век выступают они на большую дорогу, разве не любопытен самый процесс <...> Да я питаю по крайней мере слепую надежду поехать когда-нибудь туда и без наследства. Но ехать в молодости, потом вдвойне будут дороги воспоминания» [12, л. 19–19 об.]. 30 июня 1851 г. в очередном письме он возвращается к этой мысли: «Меня с некоторых пор сильно забирает поехать по выходе из Университета по России и за границу, хоть на два года, если не больше» [12, л. 46 об.]. Надо заметить, что путешествия по России Ламанский так и не смог себе позволить (помимо редких поездок в Москву, его био-география ограничивается, в основном, северо-западом России: окрестности Санкт-Петербурга, Новгородская губерния, где в г. Боровичи у него была дача, в начале XX в. – Финляндия, Эстония, Швейцария), а вот почти трехлетняя поездка в славянские земли, действительно, состоялась, правда, десятилетие спустя. Общее, еще смутное представление о своем жизненном пути в письме 8 декабря 1852 г. Ламанский выразил одной краткой, но емкой фразой: «...науки не брошу, родины не разлюблю» [12, л. 48 об.].

В студенческие годы окончательно закрепились славянофильские взгляды Ламанского. Вероятно, в начале это было чисто книжное увлечение, ставшее со временем результатом сознательного выбора и мировоззренческого самоопределения. Едва ли кто из преподававших в то время Ламанскому профессоров разделял славянофильские взгляды. К.А. Коссович был принят в университет в 1858 г. и в письмах Ламанского не упоминается. Можно предположить, что именно славянофильскими убеждениями были вызваны мечты Ламанского о переезде в Москву. Он надеялся, что его отец, выйдя в отставку, может поселиться в Москве. Переселение в Москву не состоялось, но и в последующие годы в письмах Ламанского заметно тяготение к Москве; порой вновь звучат планы о переезде из столицы.

В дневниковых записях и письмах студенческой поры Ламанского практически не встречается планов остаться в университете, напротив, он мечтает о службе, которая не мешала бы научным занятиям, а жалование позволяло бы приобретать нужные книги. Свободный научный поиск Ламанский предпочитал профессорской карьере и в молодости был уверен в том, что такая служба возможна. В дневнике за 14 июля 1853 г. он делится своими научными проектами: «В голове у меня бродят все три мысли или лучше три главных труда и главное вести их параллельно – 1) Граммат[ика] древнего Русского [языка] вместе с другими Слав[янскими языками] в их древн[ем] состоянии, с образцами, 2) Очерк древнерусского уголовного права, 3) Истор[ия] русск[ой] словесн[ости] в 16 в., причем собрать (не неск[олько...], т. е. приготовить к изданию) Максима Грека, Ивана Грозного и друг. даже неизв[естных] авторов. <...> В это время буду набирать материалы и вдумываться в народную поэзию всех Славян вообще, причем не довольствоваться одним сходством с воззрениями Славян и Немцев, но и разностью. Это правило соблюдать и при изучении права. Тут могут помочь мне занятия в Этнографич[еском] Отдел[ении Императорского Русского географического общества], где я намерен участвовать и что-нибудь работать» [13, л. 8 об.]. Эти научные планы Ламанского тоже не были в полной мере реализованы, хотя он и стремился со временем вернуться от славяноведения к изучению России.

Вероятно, положительным примером необременительной службы, о которой мечтал Ламанский, была для него служба старшего брата в Государственной канцелярии. Один из крупнейших русских экономистов XIX в. Евгений Иванович Ламанский (1825–1902) писал в мемуарах, что «какой-либо серьезной работы по канцелярии мне исполнять не приходилось, большую часть времени я проводил дома, погруженный в свои исследования» [41, с. 9]. Возможность приобретения нужных книг, несмотря

на николаевскую цензуру, также оставались. Тот же Е.И. Ламанский пояснял: «Обыкновенно, у каждого из нас был свой букинист, который отлично знал все запрещенные книги, особенно серьезные, и время от времени наведывался к своим покупателям, снабжая их запрещенной литературой по интересовавшим вопросам» [41, с. 8–9]. Таким букинистом у Е.И. Ламанского был, в частности, купец Я.А. Исаков, владевший книжным магазином в Гостином дворе и впоследствии ставший крупным книгоиздателем, услугами которого могли пользоваться и другие братья. Более того, Евгений Иванович перевез на квартиру отца библиотеку проф. И.А. Ивановского, преподававшего политическую экономию в Лицее. Со временем у Владимира Ивановича сложилась собственная библиотека, многие книги для которой он разыскивал во время зарубежных командировок, включающая уникальные издания по славистике, истории и литературе восточноевропейских народов. В конце жизни Санкт-Петербургский университет выкупил эту библиотеку у Ламанского.

Как видно, в молодости Ламанский связывал свое будущее, прежде всего, с изучением русской истории, литературы и языка. Однако в Санкт-Петербургский университет он вернулся через десять лет после его окончания уже в качестве преподавателя славяноведческих дисциплин. Это был уже другой университет не только потому, что в нем не было многих из тех профессоров, кто не поддержал Ламанского в 1854 г. Новый Университетский устав 1863 г., «четко закреплял начала корпоративной автономии» [42, с. 414]. «Академическая свобода» способствовала становлению научных школ и значительным достижениям университетской науки, в которых свою роль сыграл и Ламанский. В отечественную науку он вошел также в первую очередь как славист. Велико значение Ламанского и для русской этнографии. Он продолжил то направление изучения народной культуры, у истоков которой стояли славянофилы [43]. Ламанский создал и больше двадцати лет редактировал лучший дореволюционный этнографический журнал «Живая старина». В то же время исследовательская работа Ламанского в университете показывает, как эволюционировали его научные интересы. От славистики он все больше уклонялся в сторону формулирования масштабных концепций: историософских, цивилизационных, геополитических [44]. Ламанский стал продолжателем историософской линии в славянофильстве, причем его учение о трех цивилизационных мирах, получило дальнейшую разработку в евразийстве. Именно эта сторона научного наследия Ламанского оказалась наиболее востребованной в современной науке. Творчество Ламанского показывает, в каком направлении развивалась философия истории славянофильства.

Примечания

¹ Яков Иванович Ламанский (1822–1872) – брат В.И. Ламанского. Служил в Корпусе горных инженеров (штабс-капитан), секретарь Горного комитета, редактор «Горного журнала», директор горного корпуса, директор Технологического института (с 1863). – прим. А.М.

² Порфирий Иванович Ламанский (1824–1875) – брат В.И. Ламанского. Учился в Горном институте, изучал политэкономия в Петербургском университете, член кружка петрашевцев, знакомый Ф.М. Достоевского, губернский секретарь в Департаменте внешней торговли, чиновник Министерства путей сообщения, покончил жизнь самоубийством вследствие умственного расстройства. – прим. А.М.

³ Александр Иванович Ламанский (1829–?) – брат В.И. Ламанского. Военный, в последствии ревизор Министерства государственных имуществ, историк и писатель по сельскому хозяйству, садовод. – прим. А.М.

⁴ Константин Иванович Ламанский (1839–1885) – брат В.И. Ламанского. Видный судебный следователь в Санкт-Петербурге, писатель. – прим. А.М.

Литература и источники

1. Лаптева М.П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005. 848 с.
2. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.
3. Письма разных лиц к В.И. Ламанскому. Сообщены О.В. Покровской // Русская мысль. 1915. Кн. XI. С. 127–134.
4. Переписка двух славянофилов (сообщила О.В. Покровская-Ламанская) // Русская мысль. 1916. № 9. С. 1–32.
5. Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. № 12. Отд. II. С. 83–114.
6. Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. № 2. С. 82–89.
7. Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. № 3–4. С. 56–70.
8. Документы по истории славяноведения (1850–1912). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 422 с.
9. Из переписки Н.И. Костомарова с В.И. Ламанским // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 264–267.
10. Письма В.И. Ламанского К.С. Аксакову, А.В. Головнину, О.Ф. Миллеру, В.М. Владиславлеву, Л.Н. Майкову (подготовка текста и примечания А.В. Малинова) // Вече. 2009. Вып. 19. С. 172–209.
11. Письмо А.Н. Пыпина В.И. Ламанскому (публикация С.А. Троицкого) // Вече. 2009. Вып. 19. С. 210–220.
12. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76.
13. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2.
14. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267.
15. Лавров П.А. Владимир Иванович Ламанский // Отчет о состоянии деятельности Императорского Петербургского университета за 1914 г. Пг.: Б.М. Вольф, 1915. С. 16–18.
16. Лаптева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // Studia slavica. 1975. № 21. С. 67–94.
17. Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Январь. С. 131–160.
18. Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Февраль. С. 311–366.
19. Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Март. С. 118–159.
20. Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Апрель. С. 247–276.
21. Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Август. С. 1–33.
22. Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Июнь. С. 312–353.
23. Ламанский В.И. Непорешенный вопрос (И.И. Срезневскому) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 1. С. 122–163.
24. Ламанский В.И. Непорешенный вопрос // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 6. С. 349–378.
25. Ламанский В.И. Непорешенный вопрос // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 7. С. 84–378.
26. Ламанский В.И. Записка об ученых трудах заслуженного ординарного профессора и декана Историко-филологического факультета И.И. Срезневского // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1876–1877 с приложением. № 16. СПб.: [б. и.], 1878. С. 56–57.
27. Ламанский В.И. Некролог И.И. Срезневского // Новое время. 1880. № 1421.
28. Ламанский В.И. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). М.: В Синодальной типографии, 1890. 41 с.
29. Путевые письма и заметки И.И. Срезневского о сербо-лужичанах. 1840 г. // Живая старина. 1890. Вып. I. С. 84–102.
30. Сербо-лужицкий народный календарь (Из бумаг И.И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 55–57.
31. Сербо-лужицкие народные поверья (Из бумаг И.И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 57–62.
32. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) (предисловие и примечания В.И. Ламанского) // Живая старина. 1892. Вып. I. С. 49–77.
33. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1892. Вып. II. С. 27–70.
34. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1892. Вып. III. С. 43–105.
35. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Вып. I. С. 20–63.
36. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Вып. II. С. 139–179.
37. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Вып. III. С. 330–373.
38. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Вып. IV. С. 462–506.
39. Пыпин А.Н. Мои заметки. Саратов: Соотечественник, 1996. 332 с.
40. СПбФАРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

41. Ламанский Е.И. Воспоминания. 1840–1890 гг. Пенза: Индивидуальное частное предприятие В.И. Мануйлова «Редакция журнала «Земство»», 1995. 128 с.
42. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
43. Троицкий С.А. Славянофильство и изучение народной культуры в России // Вече. 2016. Вып. 28. С. 201–215.
44. Куприянов В.А. Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. Вып. 28. С. 215–222.

References

1. Lapteva M.P. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v.* [The history of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 848 p.
2. Robinson M.A. *Sud'by akademicheskoi elity: Otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [Destinies of the academic elite: Domestic Slavic studies (1917 – early 1930s)]. Moscow, Indrik Publ., 2004, 432 p.
3. Pis'ma raznyh lic k V.I. Lamanskomu. Soobshheny O.V. Pokrovskoj [Letters from different people to V.I. Lamansky. OV was reported. Pokrovskaya]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1915, no. XI, pp. 127–134.
4. *Perepiska dvukh slavyanofilov (soobshchila O.V. Pokrovskaya-Lamanskaya)* [Correspondence of two Slavophiles (reported by O.V. Pokrovskaya-Lamanskaya)]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1916, no. 9, pp. 1–32.
5. *Perepiska dvukh slavyanofilov* [Correspondence of two Slavophiles]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1916, no. 12, dept. II, pp. 83–114.
6. *Perepiska dvukh slavyanofilov* [Correspondence of two Slavophiles]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1916, no. 2, pp. 82–89.
7. *Perepiska dvukh slavyanofilov* [Correspondence of two Slavophiles]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1916, no. 3–4, pp. 56–70.
8. *Dokumenty po istorii slavyanovedeniya (1850–1912)* [Documents on the history of Slavic studies (1850–1912)]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1948, 422 p.
9. *Iz perepiski N.I. Kostomarov s V.I. Lamanskim* [From the correspondence of N.I. Kostomarov with V.I. Lamansky]. *Golos minuvshago* [The voice of the past], 1917, no. 1, pp. 264–267.
10. *Pis'ma V.I. Lamanskogo K.S. Aksakov, A.V. Golovninu, O.F. Milleru, V.M. Vladislavlevu, L.N. Maikovu (podgotovka teksta i primechaniya A.V. Malinova)* [Letters of V.I. Lamansky to K.S. Aksakov, A.V. Golovnin, O.F. Miller, V.M. Vladislavlev, L.N. Maikov (preparation of the text and notes of A.V. Malinov)]. *Veche*, 2009, issue 19, pp. 172–209.
11. *Pis'mo A.N. Pypina V.I. Lamanskomu (publikatsiya S.A. Troitskogo)* [Letter of A.N. Pypin to V.I. Lamansky (publication of S.A. Troitsky)]. *Veche*, 2009, issue 19, pp. 210–220.
12. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk (SPbF ARAN)* [Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 35, op. 1, ed. hr. 76.
13. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk (SPbF ARAN)* [Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 35, op. 3, ed. hr. 2.
14. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk (SPbF ARAN)* [Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 35, op. 1, ed. hr. 267.
15. Lavrov P.A. *Vladimir Ivanovich Lamanskii (Vladimir Ivanovich Lamansky). Otchet o sostoyanii deyatelnosti Imperatorskogo Peterburgskogo universiteta za 1914 g.* [Status Report of the Imperial University of St. Petersburg the activities for 1914]. Petrograd, B.M. Vol'f Publ., 1915, pp. 16–18.
16. Lapteva L.P. *Kraledvorskaya i Zelenogorskaya rukopisi i ikh otsenka v Rossii XIX i nachala XX vv.* [Kraledvorskaya and Zelenogorskaya manuscripts and their evaluation in Russia of the 19th and early 20th centuries]. *Studia slavica*, 1975, no. 21, pp. 67–94.
17. Lamanskii V.I. *Noveishie pamyatniki drevnecheshskogo yazyka* [The newest monuments of the ancient Czech language]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1879, January, pp. 131–160.
18. Lamanskii V.I. *Noveishie pamyatniki drevnecheshskogo yazyka* [The newest monuments of the ancient Czech language]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1879, February, pp. 311–366.
19. Lamanskii V.I. *Noveishie pamyatniki drevnecheshskogo yazyka* [The newest monuments of the ancient Czech language]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1879, March, pp. 118–159.
20. Lamanskii V.I. *Noveishie pamyatniki drevnecheshskogo yazyka* [The newest monuments of the ancient Czech language]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1879, April, pp. 247–276.
21. Lamanskii V.I. *Noveishie pamyatniki drevnecheshskogo yazyka* [The newest monuments of the ancient Czech language]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1879, August, pp. 1–33.
22. Lamanskii V.I. *Noveishie pamyatniki drevnecheshskogo yazyka* [The newest monuments of the ancient Czech language]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1880, June, pp. 312–353.
23. Lamanskii V.I. *Neporeshennyi vopros (I.I. Sreznevskomu)* [Unresolved issue (to I.I. Sreznevsky)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1869, no. 1, pp. 122–163.
24. Lamanskii V.I. *Neporeshennyi vopros (I.I. Sreznevskomu)* [Unresolved issue (to I.I. Sreznevsky)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1869, no. 6, pp. 349–378.
25. Lamanskii V.I. *Neporeshennyi vopros (I.I. Sreznevskomu)* [Unresolved issue (to I.I. Sreznevsky)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1869, no. 7, pp. 84–378.
26. Lamanskii V.I. *Zapiska ob uchenykh trudakh zaslužhennogo ordinarnogo professora i dekana Istoriko-filologicheskogo fakul'teta I.I. Sreznevskogo* [A note on the scholarly works of the honored ordinary professor and dean of the Faculty of History and Philology of I.I. Sreznevsky]. *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1876–1877 s prilozheniem* [Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University for the second half of 1876–1877 with the annex], no. 16. St. Petersburg, [s. n.], 1878, pp. 56–57.
27. Lamanskii V.I. *Nekrolog I.I. Sreznevskogo* [Obituary of I.I. Sreznevsky]. *Novoe vremya* [New time], 1880, no. 1421.
28. Lamanskii V.I. *Izmail Ivanovich Sreznevskii (1812–1880)* [Izmail Ivanovich Sreznevsky (1812–1880)]. Moscow, In the synodal printing house, 1890, 41 p.
29. *Putevye pis'ma i zametki I.I. Sreznevskogo o serbo-luzhichanakh. 1840 g.* [Travel letters and notes. Sreznevsky about the Lusatian people. 1840]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1890, issue I, pp. 84–102.
30. *Serbo-luzhitskii narodnyi kalendar' (Iz bumag I.I. Sreznevskogo)* [Lusatian folk calendar (From the papers of I.I. Sreznevsky)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1890, issue II, pp. 55–57.

31. *Serbo-luzhitskie narodnye pover'ya (Iz bumag I.I. Sreznevskogo)* [Lusatian folk beliefs (From the papers of I.I. Sreznevsky)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1890, issue II, pp. 57–62.
32. *Putevye pis'ma I.I. Sreznevskogo k materi ego Elene Ivanovne Sreznevskoi (1839–1842) (predislovie i primechaniya V.I. Lamanskogo)* [Travel letters from I.I. Sreznevsky to his mother Elena Ivanovna Sreznevskaya (1839–1842) (foreword and notes of V.I. Lamansky)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1892, issue I, pp. 49–77.
33. *Putevye pis'ma I.I. Sreznevskogo k materi ego Elene Ivanovne Sreznevskoi (1839–1842)* [Travel letters from I.I. Sreznevsky to his mother Elena Ivanovna Sreznevskaya (1839–1842)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1892, issue II, pp. 27–70.
34. *Putevye pis'ma I.I. Sreznevskogo k materi ego Elene Ivanovne Sreznevskoi (1839–1842)* [Travel letters from I.I. Sreznevsky to his mother Elena Ivanovna Sreznevskaya (1839–1842)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1892, issue III, pp. 43–105.
35. *Putevye pis'ma I.I. Sreznevskogo k materi ego Elene Ivanovne Sreznevskoi (1839–1842)* [Travel letters from I.I. Sreznevsky to his mother Elena Ivanovna Sreznevskaya (1839–1842)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1893, issue I, pp. 20–63.
36. *Putevye pis'ma I.I. Sreznevskogo k materi ego Elene Ivanovne Sreznevskoi (1839–1842)* [Travel letters from I.I. Sreznevsky to his mother Elena Ivanovna Sreznevskaya (1839–1842)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1893, issue II, pp. 139–179.
37. *Putevye pis'ma I.I. Sreznevskogo k materi ego Elene Ivanovne Sreznevskoi (1839–1842)* [Travel letters from I.I. Sreznevsky to his mother Elena Ivanovna Sreznevskaya (1839–1842)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1893, issue III, pp. 330–373.
38. *Putevye pis'ma I.I. Sreznevskogo k materi ego Elene Ivanovne Sreznevskoi (1839–1842)* [Travel letters from I.I. Sreznevsky to his mother Elena Ivanovna Sreznevskaya (1839–1842)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1893, issue IV, pp. 462–506.
39. Pypin A.N. *Moi zametki* [My notes]. Saratov, Sootchestvennik Publ., 1996, 332 p.
40. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk (SPbF ARAN)* [Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 35, op. 1, ed. hr. 44.
41. Lamanskii E.I. *Vospominaniya. 1840–1890 gg.* [Memories. 1840–1890]. Penza, Individual private enterprise of V.I. Manuilov «Editorial Board of the Zemstvo Journal», 1995, 128 p.
42. Rostovtsev E.A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – early XX cnt.) Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.
43. Troitskii S.A. *Slavyanofil'stvo i izuchenie narodnoi kul'tury v Rossii* [Slavophilism and the study of folk culture in Russia]. *Veche*, 2016, no. 28, pp. 201–215.
44. Kupriyanov V.A. *Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V.I. Lamanskogo* [The structure of Europe in the philosophical and historical teachings of V.I. Lamansky]. *Veche*, no. 28, pp. 215–222.

© Клио, 2017

© Малинов А.В., 2017